

А. Ю. Федорченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Каменные подвески культурного слоя VII стоянки Ушки I (Камчатка)

В статье представлены результаты комплексного анализа каменных подвесок ($n = 15$) из культурного слоя VII опорной стоянки Ушки I в Центральной Камчатке, относящихся к финально-палеолитической ранней ушковской культуре. Исследование базировалось на использовании технологического и экспериментально-трассологического методов. Изучение археологических материалов, архивных и опубликованных источников позволило верифицировать количественный и качественный состав коллекции, а также пространственный контекст находок. В результате исследования было выделено три группы каменных подвесок: плоские шлифованные изделия геометрических форм, подвески из сверленных галек и уникальные фигурные украшения со сложной морфологией. Реконструированы две основные операционные последовательности их производства. Изготовление объемных подвесок из мелких отдельностей сырья включало подбор заготовок, биконическое сверление и нанесение насечек. Производство уплощенных подвесок предполагало более сложную технологию, включавшую расщепление или расслаивание сырья, формообразующую шлифовку, сверление, орнаментацию и финальную абразивную отделку. Анализ следов износа подтвердил длительное ношение подвесок в составе составных украшений совместно с бусинами. Полученные данные позволяют предполагать, что на этапе финального верхнего палеолита традиции личной орнаментации у носителей ранней ушковской культуры и населения прилегающих районов Крайнего Северо-Востока Азии развивались на единой общезпохальной или культурной основе.

Ключевые слова: Камчатка, Ушки I, верхний палеолит, каменные украшения, технологический анализ, ранняя ушковская культура.

A. Y. Fedorchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Stone Pendants from Cultural Layer VII of the Ushki I Site in Kamchatka

This article presents a comprehensive analysis of stone pendants ($n = 15$) from cultural layer VII at the Ushki I key site of the Early Ushki Final Paleolithic culture in Central Kamchatka following the technological and experimental trace methods. By examining the archaeological evidence, archival records, and published sources, the quantitative and qualitative composition of the collection and the spatial context of the finds were verified. The study identified three groups of stone pendants: flat polished items with geometric shapes, pendants made of drilled pebbles, and unique figurate adornments with sophisticated morphology. Two main production sequences were reconstructed. Manufacturing three-dimensional pendants from small pieces of raw material involved selecting blanks, biconical drilling, and incising notches. Producing flattened pendants required a more sophisticated technology which involved splitting or knapping the pieces of raw material, shaping them by grinding, drilling, making ornamental decoration, and final abrasive finishing. Trace analysis has confirmed that the pendants underwent prolonged use as parts of composite adornments combined with beads. The data suggests that the traditions of personal adornment among the carriers of the Early Ushki culture and populations of the adjacent regions of extreme Northeast Asia in the Final Upper Paleolithic evolved on a shared epochal or cultural basis.

Keywords: Kamchatka, Ushki I, Upper Palaeolithic, stone adornments, technological analysis, Early Ushki culture.

Введение

Материалы верхнепалеолитических комплексов многослойной стоянки Ушки I имеют ключевое значение для исследования древнейших орнаментальных практик населения Крайнего Северо-Востока Азии [Федорченко, 2025б]. Наиболее ранние свидетельства производства украшений из минерального сырья в пределах региона зафиксированы на Янской стоянке [Питулько, Никольский, 2014]; более поздние находки происходят с памятников Яно-Индибирской низменности (Берелех), Верхней Колымы и Северного Приохотья (Большая Хая IV, Хета и Уптар), при этом часть из них лишена надежной культурно-хронологической атрибуции [Мочанов, 1977; Питулько, 2011; Слободин, 1990, 1999, 2005]. На этом фоне стоянка Ушки I принципиально выделяется массовостью и разнообразием каменных украшений, полнотой их технологических контекстов, а также включенностью этих изделий в структуру высокоинформативных поселенческих и погребальных комплексов [Диков, 1977; Кирьяк, 2003; Понкратова, 2007; Дикова, 2011; Федорченко, 2014]. В совокупности эти особенности определяют уникальный статус этого археологического объекта в пределах всего Крайнего Северо-Востока Азии.

Применение современных аналитических методик открывает возможности для уточнения и расширения технико-типологических характеристик верхнепалеолитических комплексов стоянки Ушки I, а также выявления устойчивых культурных стереотипов в производственной деятельности и поведенческой активности древнего населения региона. Расширение и углубление исследований памятника формирует новую основу для решения ключевых проблем древнейшей археологии Крайнего Северо-Востока Азии, включая вопросы генезиса культур, реконструкции миграционных процессов и заселения Северной Америки в позднем плейстоцене. Комплексный анализ уникальных и массовых предметов личной орнаментации позволяет охарактеризовать нематериальные аспекты культуры верхнепалеолитических обитате-

лей региона, связанные с реализацией широкого круга их духовных потребностей.

Цель настоящего исследования состояла в реконструкции технологии производства и особенностей использования каменных подвесок культурного слоя VII стоянки Ушки I, принадлежащих ранней ушковской культуре финального верхнего палеолита [Диков, 1979]. Работа базировалась на технологическом методе, включавшем анализ морфометрических и сырьевых характеристик артефактов, следов изготовления и использования, а также выявление операционных последовательностей производства. Экспериментально-трасологический анализ изделий проводился при увеличениях $\times 7,5$ – $\times 45$ с применением микроскопа Altami CM0745-T; изучение на микроуровне ($\times 100$ – $\times 500$) выполнялось посредством микроскопа Olympus BHM. Интерпретация полученных трасологических и технологических данных опиралась на результаты экспериментального моделирования [Федорченко и др., 2024]. Фотофиксация артефактов и выявленных следов осуществлялась с использованием фотокамеры Canon, макрообъектива и штатива с ручной наводкой на резкость.

Материалы исследования

Источниковую базу исследования составили археологические коллекции культурного слоя VII стоянки Ушки I из фондов СВКНИИ ДВО РАН и МОКМ. Для определения полного состава украшений этого слоя и выявления отсутствующих в коллекции артефактов были проанализированы материалы полевой документации, рисунки и фотографии, представленные в публикациях и отчетах. В результате проведенной ревизии было учтено 15 артефактов, морфологически соответствующих подвескам – изделиям с одним отверстием для подвешивания, продевания или пришивания. Из этого числа были доступны для анализа 11 украшений, еще четыре в археологической коллекции отсутствовали и были описаны по данным из опубликованных и архивных источников (см. *таблицу*).

Каменные подвески из культурного слоя VII памятника Ушки I (Центральная Камчатка)

№	Форма	Фрагментация	Длина	Ширина	Толщина	Ø отверстия	Год	Контекст	Опубликовано
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Удлиненная шестиугольная	Нет	27	14	2	1,6	1964	Кв. И-12. Погр. 1	Диков, 1967, рис. 12: 5
2	Подпрямоугольная	Нет	32,4	7,5	2	2	1964	Кв. И-12. Погр. 1	Диков, 1967, рис. 12, 4
3	Подпрямоугольная	Нет	18,5	9	1,8	1,6	1964	Кв. И-11/12. Погр. 1	Дикова, 2011, рис. 1, 11
4	Подтреугольная	Нет	7,5	5,9	1	1,7	1964	Кв. И/К-11/12. Погр. 1	Дикова, 2011, рис. 1: 10
5	Не определена	Продольная и поперечная	7,5	10,5	3,7	2,3	1964	Погр. 1	Эта работа

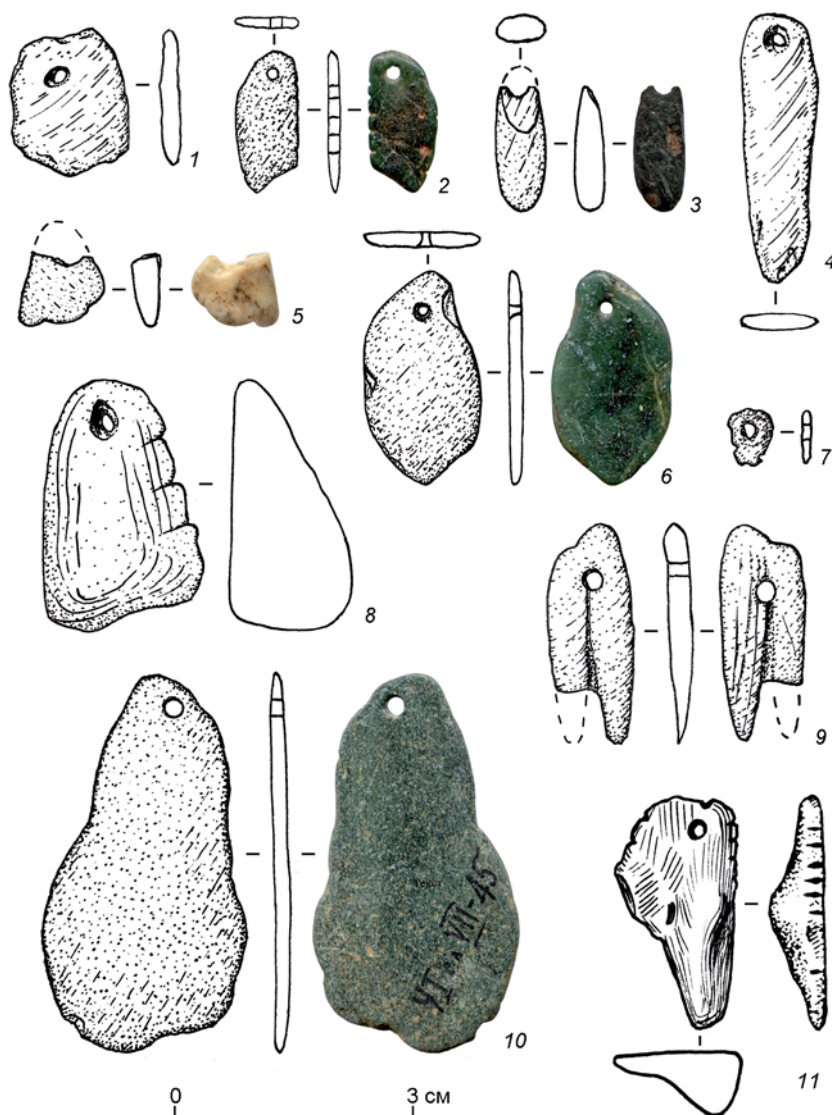
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6	Неправильная треугольная	Нет	48	26	2	2	1971	Кв. Л-27. Жилище 2	Диков, 1979, рис. 6: 10
7	Подтреугольная	По отверстию	10,3	11,9	3,8	2,9	1971	Жилище 2	Эта работа
8	Округлая	Нет	11,3	10,8	3,3	2,1	1971	Кв. Л-27. Жилище 2	Диков, 1977, табл. 1: 10
9	Фигурная	Нет	31,5	16,7	9	2	1971	Кв. Л-27. Жилище 2	Диков, 1977, табл. 1: 7
10	Подпрямоугольная	Поперечная	33,5	17,2	—	—	1972	Кв. Л-26. Жилище 2	Эта работа
11	Фигурная	Поперечная	27	10,8	2,8	2,2	1974	Кв. д-(-4). Жилище 9	Диков 1979, рис. 6, 1
12	Подтреугольная	Нет	32	20,5	15,5	3,3	1974	Кв. д-(-2). Жилище 9	Диков 1979, рис. 6, 3
13	Подпрямоугольная	Нет	19	15	4,5	2,6	1974	Кв. д-(-2). Жилище 9	Диков 1979, рис. 6, 3
14	Подпрямоугольная	По отверстию	8,4	5,5	3,1	2,5	1979	Кв. а-12/13. Жилище 7	Эта работа
15	Овальная	По отверстию	16,1	6,6	3,6	1,8	1989	Кв. Н-6. Жилище 10	Эта работа

Результаты проведенных исследований свидетельствуют, что для изготовления подвесок древнейшие обитатели стоянки Ушки I отдавали предпочтение разновидностям хлорит-галькового сырья преимущественно местного происхождения; единично применялся импортный янтарь [Девятиярова, Сокол, Федорченко, 2024]. Основная часть изучаемых изделий (66,7 %) происходит из контекста четырех наземных жилищ поселения слоя VII (2, 7, 9, 10); оставшаяся треть подвесок (33,3 %) зафиксирована в материалах одиночного погр. 1 [Федорченко, 2025a]. По своей морфологии и характеру обработки все подвески культурного слоя VII подразделяются на три группы.

Первая ($n = 11$) объединяет плоские шлифованные изделия простых геометрических форм (рис. 1, 1–2, 4–7, 10): подтреугольной ($n = 4$), подпрямоугольной ($n = 4$), удлиненной шестиугольной ($n = 1$) и округлой ($n = 1$);

Рис. 1. Каменные подвески из культурного слоя VII стоянки Ушки I (Центральная Камчатка).

1–2, 4–7, 10 – уплощенные шлифованные изделия; 3, 8 – подвески из мелких галек; 9, 11 – фигурные изделия.

облик еще одного предмета не определен вследствие фрагментации. Для этих подвесок характерен прямой профиль и преимущественно уплощенно-линзовидное или уплощенно-подпрямоугольное, реже – плоско-выпуклое или линзовидное. Исходной основой украшений служили сколы и обломки с тонким сечением. Широкие стороны изделий уплощены и выровнены, грани скруглены и заглажены шлифовкой; на трех предметах дополнительно нанесены короткие насечки (рис. 1, 2, 5, 7). Отверстия округлой формы, биконические или цилиндрические по профилю, обычно расположены по оси симметрии ближе к узкой грани; их диаметр варьирует в пределах 1,6–2,9 мм при медианном значении (далее – МЗ) 2,05 мм. Семь подвесок не имеют повреждений, их длина составляет 7,5–48 мм (МЗ = 19 мм), ширина – 5,9–26 мм (МЗ = 10,8 мм), толщина – 1–4,5 мм (МЗ = 2 мм). Внутри этой выборки особо выделяются четыре микроподвески, не превышающие 20 мм в максимальном измерении (рис. 1, 1–2, 5, 7). Для целых артефактов значение индекса удлиненности (l/w) варьирует от 1,05 до 4,32 (МЗ = 1,85), индекса уплощенности (w/t) = 3,27–13 (МЗ = 5,0). Четыре предмета сломаны по отверстию или фрагментированы в противоположной части; их сохранившиеся размеры составляют: длина – 7,5–33,5 мм, ширина – 5,5–17,2 мм, толщина – 3,1–3,8 мм.

Вторая группа представлена двумя подвесками в виде частично подработанных сверленных галек. Первое украшение – целое, подпрямоугольной формы с прямым профилем и трапецевидным сечением (рис. 1, 8). Округлое биконическое отверстие диаметром 3,3 мм смещено к узкому краю; одна из граней декорирована глубокими параллельными нарезками. Размеры изделия: $32 \times 20,5 \times 15,5$ мм, индекс $l/w = 1,56$, $w/t = 1,32$. Второй предмет удлиненных овальных очертаний, аналогично с прямым профилем, но линзовидным сечением, сломан по отверстию (рис. 1, 3). Его размеры: $16,1 \times 6,6 \times 3,6$ мм, индекс $l/w = 2,44$, $w/t = 1,83$.

Последняя группа включает два уникальных фигурных изделия. Первый артефакт в виде «рогатого овала» (рис. 1, 9) – удлиненной асимметричной формы с двузубчатым выступом в части, противоположной отверстию [Диков, 1979, с. 35]. Изделие характеризуется уплощенно-линзовидным сечением и прямым профилем; его поверхности и грани полностью обработаны шлифовкой. Округлое биконическое отверстие диаметром 2,2 мм смещено к верхней узкой грани предмета. На обеих широких сторонах подвески прорезаны продольные желобки с V-образным сечением. Один из треугольных зубцов артефакта поврежден поперечным сломом. Размеры украшения – $27 \times 10,8 \times 2,8$ мм, индекс $l/w = 2,5$, $w/t = 3,86$.

Вторая фигурная подвеска отличается неправильной трапецевидной формой с плоско-выпуклым се-

чением и прямым профилем (рис. 1, 11). Округлое биконическое отверстие диаметром 2 мм расположено асимметрично центру предмета и смещено к его узкой верхней грани. Поверхности изделия обработаны шлифовкой, продольные грани украшены серией коротких параллельных насечек. Согласно существующей интерпретации, она передает антропологию зооморфное изображение: контур изделия в горизонтальном положении напоминает зооморфное существо – «мифическую рыбу-кит»; биконическое отверстие имитирует глаз «животного», сходящиеся края подвески – хвост этого существа [Кирык, 2003, с. 48, 79]. В профиль артефакт передает женский образ: плоский торс, ягодичный выступ, переход к бедру и голени намечены шлифовкой и насечками [Там же]. Размеры украшения: $31,5 \times 16,7 \times 3,1$ –9 мм, индекс $l/w = 1,89$, $w/t = 1,85$ –5,38.

Результаты исследования

Технологический контекст и операционные последовательности. Проведенный анализ позволяет охарактеризовать технологический контекст производства подвесок как неполный. Помимо законченных изделий, выявлены лишь немногочисленные диагностические формы в виде продуктов расщепления поделочных пород камня ($n = 1$) и шлифованных заготовок ($n = 8$), которые по морфометрическим и петрографическим характеристикам могут быть связаны с изготовлением крупных украшений. При этом в коллекции практически отсутствуют сколы-основы, шлифованные заготовки и преформы из хлорит-талкового сырья – наиболее востребованного материала для производства подвесок. Это свидетельствует о том, что основной цикл изготовления большинства подвесок, вероятно, осуществлялся за пределами стоянки или на участках, не затронутых раскопками. Это предположение подтверждается выразительным макро- и микроизносом, зафиксированным на всех изученных подвесках – он указывает на то, что украшения поступали на памятник уже в готовом виде, вероятно, непосредственно на теле или одежде их владельцев.

Технология изготовления подвесок ранней ушковской культуры предполагала последовательную реализацию короткого или длинного набора операций. Относительно простая схема применялась при создании объемных подвесок непосредственно из отдельных частей сырья. Она включала подбор подходящих заготовок, сверление отверстий и, в отдельных случаях, дополнительное нанесение глубоких коротких насечек на грани. Более длинная последовательность действий была характерна для подвесок с уплощенным профилем: расщепление или расслоение исходных отдельных частей для получения тонких основ, формообразующая шлифовка, сверление, при необходимости – нанесение насечек или желобков на грани и широкие стороны, финальная абразивная отделка.

Получение и подбор исходных основ. В рамках первого варианта технологической последовательности предпочтение отдавалось небольшим слабо- и среднеокатанным отдельностям, отличающимся примечательной эстетикой – овальной или подтреугольной формой, гладкой поверхностью и выразительным цветом. Получение основ для полностью шлифованных уплощенных подвесок осуществлялось на основе расщепления или расслаивания более крупных отдельностей и фрагментов сырья. Для этих целей отбирались сколы с прямым и относительно тонким профилем, что подтверждается морфометрическими характеристиками готовых изделий.

Производство заготовок и преформ. Ключевым этапом производства уплощенных подвесок являлась абразивная обработка. Среди выявленных заготовок примерно в равной степени представлены предметы подпрямоугольной, овальной, ромбовидной или подтреугольной формы, что соответствует морфологической вариабельности готовых подвесок. При увеличении $\times 40$ – $\times 100$ на одной или двух широких сторонах заготовок фиксируются многочисленные тонкие линейные следы от шлифовки, образующие ряды с продольной или диагональной ориентацией; грани при этом выровнены лишь частично. Характер следов указывает на возвратно-поступательную кинематику в процессе шлифования.

Реконструкция этапа подготовки преформ носит предварительный характер в связи с отсутствием соответствующих артефактов в коллекции. На данном этапе осуществлялось формирование общего контура, уплощение и выравнивание поверхностей шлифов-

кой. Посредством резчика с V-образным лезвием, строгального ножа и абразивов осуществлялось индивидуальное оформление специфических элементов морфологии фигурных подвесок – продольных желобков, выступов и деталей антропоморфной пластики. Перед перфорацией и финальной отделкой на грани отдельных подвесок посредством инструмента с тонким лезвием и возвратно-поступательной кинематикой наносился простейший орнамент в виде повторяющихся коротких параллельных насечек (рис. 2, 6). Вся серия декорированных предметов ($n = 6$) включает две миниатюрные подвески из погр. 1 и три изделия – из жилищ 2 и 9. На трех артефактах насечки покрывают одну или две боковых грани, при этом количество линий всегда нечетное: три, пять или семь. Еще одна подвеска отмечена тремя насечками на каждой из двух боковых и нижней грани, последнее украшение – двумя параллельными нарезками только на нижней грани.

Получение готовых украшений. На следующем этапе производства осуществлялось биконическое сверление полученных основ и преформ. Первоначально формировалось отверстие конической формы с одной стороны, после чего выполнялось рас-сверливание и выравнивание с противоположной. При увеличении $\times 20$ – $\times 40$ на внутренних стенках отверстий фиксируются несколько ярусов замкнутых концентрических борозд, выступающих результатом плавного однонаправленного вращения очень тонкого сверла (рис. 2, 1–3). Совпадение осей встречных каналов, морфология и размеры отверстий указывают на преимущественное использование лучкового сверла.

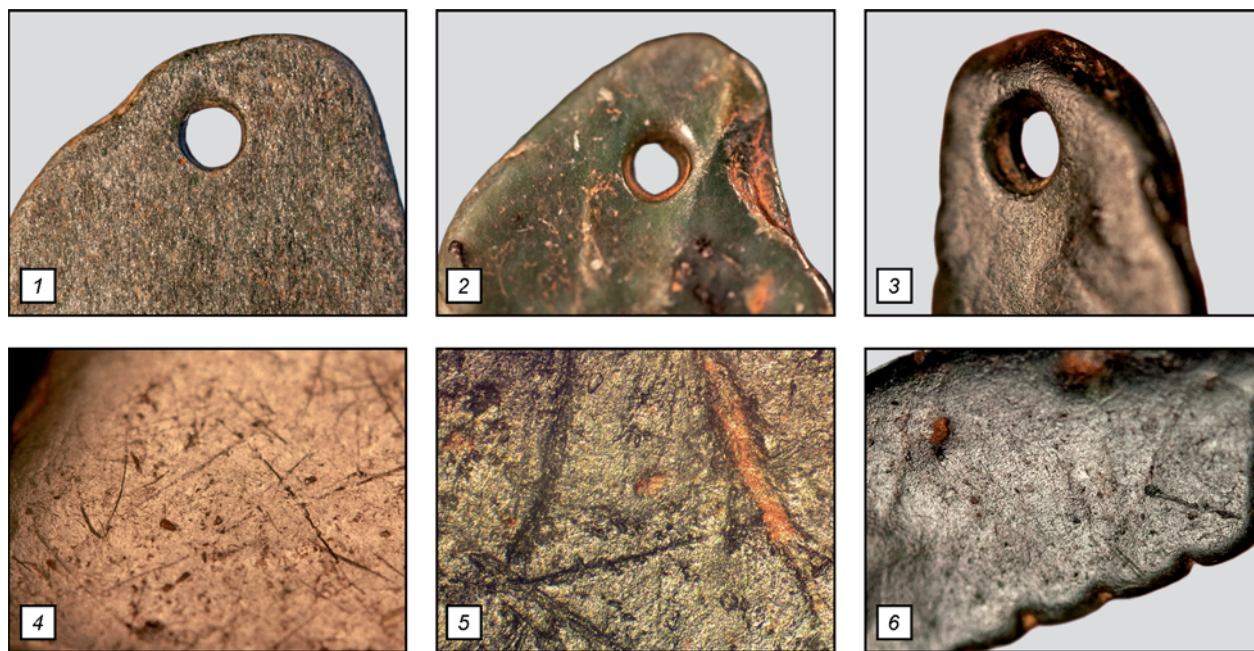

Рис. 2. Следы обработки и износа на поверхности подвесок из культурного слоя VII стоянки Ушки I (Центральная Камчатка). 1–3 – биконические и цилиндрические отверстия; 4 – следы абразивной обработки и износа; 5 – следы шлифовки, $\times 100$; 6 – следы износа на широкой стороне и насечек на грани.

Все подвески обладают одним отверстием, расположенным вдоль центральной оси симметрии и смещенным к одной из коротких граней. Отверстия отличаются правильной округлой формой с абсолютным преобладанием биконического профиля (свыше 90 %), их диаметр варьирует от 1,6 до 2,9 мм ($MZ = 2,05$ мм). Вероятно, близость размеров отверстий указывает на использование для крепления украшений нитей сопоставимой толщины.

Завершающий этап изготовления подвесок с тонким профилем включал индивидуальное оформление контура, тщательное заглаживание и скругление граней посредством пришлифовки и полировки (рис. 2, 4, 6). В отличие от бусин ранней ушковской культуры, для которых характерна определенная угловатость форм [Федорченко, 2023], подвески демонстрируют более сглаженные очертания. При этом их морфометрические характеристики отличаются большей вариативностью в отличие от бусин, в целом более унифицированных по форме и размерам.

Использование украшений. Исследование показало, что подвески ранней ушковской культуры использовались в составе композиций, будучи нанизанными на нить, в сочетании с бусинами. Анализ следов износа выявил, что характер повреждений внутри отверстий у пяти подвесок (рис. 2, 2, 3) полностью соответствует таковому у бусин-пронизок этого комплекса [Там же]. Точная диагностика способов ношения еще трех подвесок затруднена из-за слома по отверстию. Грани всех подвесок заглажены и залощены (рис. 2, 3, 6). При увеличении $\times 40$ – $\times 200$ обработанные шлифовкой широкие стороны подвесок значительно деформированы последующим износом: яркой зеркальной заполировкой, проникающей практически во все неровности микрорельефа, тонкими удлиненными и более короткими разнонаправленными рисками, мелкими и крупными выбоинами с прямоугольными очертаниями (рис. 2, 4–6). Подобные отметины возникали в результате повседневного ношения украшений при взаимодействии с одеждой, кожей человека и более твердыми окружающими объектами.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволило реконструировать технологию производства и особенности использования каменных подвесок из культурного слоя VII стоянки Ушки I. На основе анализа археологических, архивных и литературных источников были верифицированы количественный и качественный состав коллекции, уточнен пространственный контекст находок. Исследование показало, что носители ранней ушковской культуры использовали единую технологию для создания каменных подвесок различных типов, в рамках выполнения короткого или длинного набора операций. Техники и приемы обработки, последовательность их применения варьировались в

зависимости от свойств используемого поделочного сырья, характера исходных заготовок и предполагаемого назначения изделий.

Готовые подвески ранней ушковской культуры демонстрируют заметную вариабельность конечной морфологии. Так, в погр. 1 все изделия этого типа представлены в виде уплощенных, полностью шлифованных предметов с тщательно выровненными широкими сторонами и, как правило, плавно закругленными гранями. Среди них преобладают простые геометрические формы – удлиненные подпрямоугольные или шестиугольные, с выраженной асимметрией или относительно симметричные. Большинство подвесок из жилищ 2, 7 и 8 обладают сходным характером оформления: их поверхности ровные и сглаженные, грани закруглены, а ведущими формами выступают подпрямоугольная, подтреугольная или округлая. Такой облик, по-видимому, является результатом намеренной имитации плоских речных галек – окатанных, гладких и приятных на ощупь. Подобные и более сложные имитации различных природных объектов широко известны в контексте палеолитических памятников Северной Евразии, начиная с ранних этапов верхнего палеолита [Vanhaeren, d'Errico, 2006; Житенев, 2017]. Иное воплощение той же эстетики демонстрируют подвески из построек 9 и 10, выполненные из мелких, естественно окатанных отдельностей подтреугольной и овальной формы; отсутствие шлифовки придает их поверхности шероховатость и матовость.

Две подвески из жилищ 2 и 9, интерпретируемые как стилизованные антропоморфные изображения, обладают формой, которую невозможно объяснить исключительно функциональной или технологической необходимостью. О том, что их морфология не случайна, а является результатом преднамеренного формообразования, отчетливо свидетельствуют тщательность шлифовки, использование орнаментации и специфических приемов обработки, а также присутствие акцентированных деталей. Близкие примеры передачи женского образа прослеживаются в материалах верхнепалеолитических памятников Западной Европы и Сибири [Федорченко, 2025б].

Каменные украшения ранней ушковской культуры Камчатки обнаруживают прямые аналогии в материалах более ранних и синхронных верхнепалеолитических комплексов Верхней Колымы, Северного Приохотья и Яно-Индибирской области. Полученные данные позволяют предполагать, что традиции личной орнаментации у носителей ранней ушковской культуры и прилегающих районов Крайнего Северо-Востока Азии развивались на единой общепохальной или культурной основе [Там же]. Эта общность выражалась в применении стандартизированных приемов обработки поделочного сырья: биконического сверления, шлифовки и полировки, декорирования граней насечками. Памятники Верхней Колымы и Северного Приохотья демонстрируют близкий набор

украшений – округлые бусины, плоские подвески и изделия из мелких галек [Слободин, 1990, 1999, 2005], тогда как комплексы Яно-Индигорской области [Питулько, 2011], напротив, отличаются ограниченным типологическим сходством каменных предметов личного декора.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0010 «Каменный век Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Десятникова А. С., Сокол Э. В., Федорченко А. Ю. Минералогическая и геохимическая характеристика каменных бусин культурного слоя VII стоянки Ушки I (Центральная Камчатка) // XI Сибирская конф. молодых ученых по наукам о Земле. Мат-лы конф. Новосибирск, 23–29 сентября 2024 г. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. – С. 6–8.

Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. – М.: Наука, 1967. – С. 16–31.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Дикова М. А. Символика в погребальной обрядности и искусстве Ушковского палеолита // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. – 2011. – № 1. – С. 88–100.

Житенев В. С. Имитации в украшениях верхнего палеолита Русской равнины // КСИА. – 2017. – Вып. 246. – С. 117–129.

Кирьяк М. А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник. Каменный век. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. – 277 с.

Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Питулько В. В. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Записки ИИМК РАН. – 2011. – № 6. – С. 85–103.

Питулько В. В., Никольский П. А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики: Замятнинский сборник. – Вып. 3. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 408–418.

Понкратова И. Ю. Стоянка Ушки-5 (Камчатка): исследования последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. – Магадан: Кордис, 2007. – Вып. 2. – С. 13–20.

Слободин С. Б. Исследование континентальной стоянки Уптар I в Северном Приохотье // Древние памятники Севера Дальнего Востока (новые материалы и исследования СВКАЭ). – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 65–74.

Слободин С. Б. Археология Колымы и континентально-го Приохотья в позднем плейстоцене – раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 234 с.

Слободин С. Б. Хая IV – новый памятник палеолита на Северо-Востоке Азии // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. – Магадан: Изд-во Сев. междунар. ун-та, 2005. – С. 112–117.

Федорченко А. Ю. Трасологическое исследование каменных украшений из палеолитического погребения VII культурного слоя стоянки Ушки-I (Центральная Камчатка): новые данные // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (30). – С. 45–52.

Федорченко А. Ю. Каменные бусины культурного слоя VII стоянки Ушки I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 339–344.

Федорченко А. Ю. Каменные украшения в структуре обитаемого пространства культурного слоя VII поселения Ушки I (Камчатка) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2025а. – Т. 24, № 7: Археология и этнография. – С. 50–64.

Федорченко А. Ю. Каменные украшения в палеолитических комплексах Камчатки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2025б. – 30 с.

Федорченко А. Ю., Левина Е. В., Харитонов Р. М., Тоцкий Д. А., Селютин А. И., Белоусова Н. Е. Результаты экспериментального моделирования верхнепалеолитических технологий изготовления подвесок из поделочного камня // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. – Т. XXX. – С. 313–319.

Vanhaeren M., d'Errico F. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments // J. of Archaeol. Sci. – 2006. – Vol. 33. – P. 105–128.

References

Devyatiyarova A. S., Sokol E. V., Fedorchenko A. Y. Mineralogicheskaya i geokhimicheskaya kharakteristika kamennykh busin kul'turnogo sloya VII stoyanki Ushki I (Tsentral'naya Kamchatka). In *XI Sibirskaya konferentsiya molodykh uchenykh po naukam o Zemle*. Materialy konferentsii. Novosibirsk, September 23–29, 2024. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2024. P. 6–8. (In Russ.).

Dikov N. N. Otkrytie paleolita na Kamchatke i problema pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki. In *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka*. Moscow: Nauka, 1967. P. 16–31. (In Russ.).

Dikov N. N. Ancient cultures of Northeast Asia. Moscow: Nauka, 1979, 352 p. (In Russ.).

Dikov N. N. Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, Upper Kolyma. Moscow: Nauka, 1977. 319 p. (In Russ.).

Dikova M. A. Symbolism of the Funeral ceremonies and Art traditions of the Paleolithic Ushki Culture. *Bulletin of the NESCFEB RAS*, 2011, No. 1. P. 88–100 (In Russ.).

Fedorchenko A. Y. Trasological research of personal stone ornaments from Paleolithic burial of VIIth cultural layer of Ushki-I site (Central Kamchatka): new data. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2014. No. 4 (30). P. 45–52. (In Russ.).

Fedorchenko A. Y. Stone Beads from Cultural Layer VII of the Ushki I Site in Kamchatka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring*

Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 339–344. (In Russ.).

Fedorchenko A. Y. Stone Ornaments within the Structure of the Habitation Area of Cultural Layer VII at the Ushki I Site, Kamchatka. *Vestnik NSU. Ser.: History and Philology*, 2025a. Vol. 25. No. 7: Archaeology and Ethnography. P. 50–64. (In Russ.).

Fedorchenko A. Y. Kamennye ukrasheniya v paleoliticheskikh kompleksakh Kamchatki: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2025b. 30 p. (In Russ.).

Fedorchenko A. Y., Levina E. V., Kharitonov R. M., Totskii D. A., Selyutina A. I., Belousova N. E. Results of experimental modelling of Upper Palaeolithic technologies for the production of stone ornaments. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2024. Vol. 30. P. 313–319. (In Russ.).

Kiriyak M. A. Ancient Art as a historical source in the Northern areas of the Russian Far East. The Stone Age. Magadan: SVKNII DVO RAS Publ., 2003. 277 p. (In Russ.).

Mochanov Y. A. The Earliest stages of Settlement by People in Northeast Asia. Novosibirsk: Nauka, 1977. 264 p. (In Russ.).

Pitulko V. V. Archaeological component of the Berelekh complex. *Transactions of the IHMC*, 2011. No. 6. P. 85–103. (In Russ.).

Pitulko V. V., Nikolskiy P. A. Personal adornments (pendants) unearthed at Yana site: serial and specific types

of artifacts. In *Kamennyy vek: ot Atlantiki do Patsifiki: Zamyatninskiy sbornik*, Vol. 3. Saint Petersburg, MAE RAS Publ., 2014. P. 408–418. (In Russ.).

Ponkratova I. Y. Stoyanka Ushki-5 (Kamchatka): issledovaniya poslednikh let, problemy i perspektivy. In *Kolymskiy gumanitarnyy al'manakh*. Magadan: Kordis, 2007. Vol. 2. P. 13–20. (In Russ.).

Slobodin S. B. Issledovanie kontinental'noi stoyanki Uptar I v Severnom Priokhot'e. In *Drevnie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka (novye materialy i issledovaniya SVAKAE)*. Magadan: SVKNII DVO AS USSR Publ., 1990. P. 65–74. (In Russ.).

Slobodin S. B. Archaeology of the Kolyma and Continental Priokhot'e in the late Pleistocene and early Holocene. Magadan: NEISRI FEB RAS, 1999. 234 p. (In Russ.).

Slobodin S. B. Khaya IV – novyi pamyatnik paleolita na Severo-Vostoke Azii. In *Severnaya Patsifika – kul'turnye adaptatsii v kontse pleistotsena i golotsena*. Magadan: Siberian Intern. Univ. Press, 2005. P. 112–117. (In Russ.).

Vanhaeren M., d'Errico F. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments. *J. of Archaeol. Sci.*, 2006. Vol. 33. P. 105–128.

Zhitenev V. S. Imitations reflected in jewelry of the Upper Paleolithic of the Russian Plain. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2017. Iss. 246. P. 117–129. (In Russ.).

Федорченко А. Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Дата сдачи рукописи: 14.05.2026 г.